

© 2000 г. Р.З. МУРЯСОВ

НЕЛИЧНЫЕ ФОРМЫ ГЛАГОЛА В КОНТРАСТИВНО-ТИПОЛОГИЧЕСКОМ ВИДЕНИИ

*Посвящается светлой памяти моего
учителя профессора Евгении Иосифовны Шендельс.*

Несмотря на то, что в цепи частей речи глагол и имя образуют полярные точки, т.е. характеризуются максимальной удаленностью друг от друга в плане морфолого-парадигматическом, как это ни парадоксально, они одновременно характеризуются максимальной взаимопроницаемостью, т.е. безграничными возможностями взаимопереходов, и тем самым, взаимообогащения. Особенно продуктивна в этом отношении номинализация. Исследование, например, словообразовательного аспекта их показало, что класс существительных в основном пополняется за счет отглагольных образований и, наоборот, в качестве основного поставщика в класс глаголов выступают десубстантивные образования, что позволяет сформулировать закономерность, заключающуюся в том, что чем полярнее части речи, тем большим взаимопроникновением они характеризуются в деривационном плане.

Взаимопроникновение двух главных частей речи языка – существительного и глагола, – находит свое яркое выражение в явлении, называемом в лингвистической литературе конверсией по отношению к одним языкам или субстантивацией, адъективацией или вербализацией в других языках. Так, явление субстантивации по своему диапазону охвата лексического материала, например, в немецком языке носит абсолютный характер, т.е. не знает исключений. Даже глаголы, которые характеризуются грамматической "дефектностью", т.е. неполнотой своих грамматических парадигм и оппозитивных потенциалов, способны субстантивироваться, ср. *das Kommen, Gehen, Laufen, Sprechen, Wollen, Nichtwollen* и т.д. Высока в этом отношении также продуктивность модели субстантивации причастий и прилагательных, ср. *der Kommende, die Kommende, das Kommende, der / die / das Alte* и др.

И, наконец, сам факт существования форм глагола, в самом названии которых содержится одновременно указание на две части речи – как на имя, так и на глагол, подчеркивает и двоякую ориентированность, и, тем самым, противоречивую сущность. В грамматиках индоевропейских языков инфинитив и причастие (деепричастие) объединяются нередко под общим названием "именные формы глагола". Форма называется формой глагола, но его **именной** формой, и тем самым, подчеркивается ее двойственный, промежуточный характер между именем и глаголом.

В рамках данной статьи рассматриваются именные формы глагола в контрастивном плане лишь в первом приближении, фрагментарно и с минимальным охватом языков – русского, английского, немецкого, французского, отчасти латинского и татарского, хотя обсуждаемая проблема может претендовать по своей значимости на статус одной из важнейших категорий языка в рамках типологического языкознания и лингвистики универсалий.

При исследовании неличных форм глагола мы исходим из положений В.Г. Гака о том, что во-первых, "объектом сопоставительного анализа могут быть единицы лю-

бого уровня языка: фонемы, слова, грамматические явления вплоть до текста" [Гак 1989: 10] и, во-вторых, "равным образом после контрастивного анализа отдельных категорий и даже широких участков языковой структуры, полезно провести сопоставительный анализ функциональных категорий контрастивности, таких как использование маркированных / немаркированных форм, использования идентичных или вариативных форм, использование форм в первичных и вторичных функциях, несоединение ядерных и периферийных явлений, функциональные лакуны и т.п." [Гак 1989: 110; 1989: 15–16].

Двойственный характер именных форм глагола требует вычленения соответственно их именных и глагольных признаков. В качестве глагольных признаков инфинитива в индоевропейских языках выделяются относительное временное значение, залог, валентность и некоторые признаки аспектуальности.

В тюркских языках инфинитив характеризуется следующими грамматическими признаками глагола: 1) залог, 2) аспектуальность (глагол может иметь форманты многократности), 3) противопоставленность по признаку "утверждение-отрицание", выражаемых с помощью грамматических аффиксов, интегрированных в морфологическую структуру глагола: татарск. *эшләргә* "делать" – татарск. *эшләмәскә* "не делать", татарск. *эшләргә* "делать" – татарск. *эшләнәргә* "сделаться" – татарск. *эшләтергә* "заставить делать" и т.д.

Обращает на себя внимание то, что при характеристике инфинитива исследователи не выделяют какие-либо именные свойства, т.е. не указывают на те грамматические категории инфинитива, какими обладает имя существительное (склонение, род, число, определенности / неопределенности). Сам принцип выделения именных признаков базируется на совершенно иных основаниях, чем выделение глагольных признаков, а именно, к именным признакам инфинитива относятся совсем не признаки имени существительного, а те же самые глагольные признаки инфинитива со знаком минус, т.е. те грамматические категории глагола, которые отсутствуют в инфинитиве, рассматриваются как именные признаки. К ним относятся: 1) отсутствие абсолютного временного значения, 2) отсутствие категории лица, 3) отсутствие категории числа и 4) отсутствие категории наклонения. Таким образом, родство инфинитива с глаголом доказывается на уровне морфологических категорий, а родство с существительным – на синтаксическом уровне. Логическая несостоятельность подобного рода определения именных признаков инфинитива очевидна. Так, в немецком языке способность инфинитивной формы любого глагола к субстантивации считается как ее близость к существительному. Но субстантивация – это словообразовательный акт, и инфинитив переходит в класс существительных не потому, что обладает признаками существительного, а потому, что **приобретает их после субстантивации**. На этом основании можно считать, что неличные формы глагола не обладают грамматическими категориальными признаками именных частей речи, а приобретают их при синтаксическом функционировании в предложении и отсюда такие терминологические сочетания, как атрибутивные или предикативные формы глагола (причастие и деепричастие) [РГ 1980]. Что касается инфинитива, то в русской и тюркологической научной традиции используются термины "инфинитив" [ТГ 1997] и / или "неспрягаемые формы глагола" [ГСБЛЯ 1981], что соответствует латинской терминологической дихотомии финитного – нефинитного.

Неличные формы глагола в разных, особенно в генетическом плане неродственных языках представляют интерес, во-первых, в количественном отношении, во-вторых, в большей или меньшей степени проявления в них глагольных или именных признаков, в-третьих, какой языковой техникой они выражаются и, наконец, в-четвертых, с точки зрения их функционально-семантической нагрузки в предложении.

Небесспорным является количество и номенклатура неличных форм глагола даже в рамках одного или близкородственных языков. В связи с этим достаточно сослаться на различные точки зрения относительно *ing*-форм в английском языке, *-ant*-форм во французском или форм инфинитива в немецком. Так, в последнем у одних авторов

представлены четыре формы инфинитива (инфинитив 1 и 2 в активе и пассиве: *stellen – gestellt haben / gestellt werden – gestellt worden sein*) [Schendels 1982; Duden 1994; Helbig, Buscha 1996].

В тюркских языках, как показал, например, анализ татарского и башкирского языков, представлено 10 (resp. 11) неличных форм глагола, при этом не учитываются многочисленные залоговые формы, а также их противопоставления по признаку “утверждение / отрицание” [ТГ 1997; ГСБЛЯ 1981].

Если учесть всевозможные формы в парадигме инфинитива и причастия, участвующие в различных грамматических оппозициях, то мы имеем следующую количественную картину: в русском языке: инф. – 1, прич. – 4; дееприч. форм – 2; в английском языке: инф. – 6, прич. 5; в немецком языке: инф. – 6, прич. – 2; во французском языке: инф. – 3, прич. – 4; в татарском языке: инф. – 5, прич. – 52.

Большое количество неличных форм в татарском языке обусловлено факторами лексического порядка, а именно, говоря о специфике залоговой системы татарского языка следует особо подчеркнуть, что залогообразование тесно переплетается со словообразованием, что позволяет образованию залоговых форм не только от переходных глаголов, как это имеет место в и.-е. языках, но и от глаголов непереходных, включая даже глаголы движения, ср.: *йöгер* “бежать”, *йöгерт* “заставить бежать” и др. Однако оппозиция “актив-пассив” в татарском, как и в и.-е. языках, возможна только от переходных глаголов. Авторы коллективного труда “Татарская грамматика” отмечают, что форма страдательного залога наблюдается приблизительно лишь у одной пятой части глаголов (например, *бизәү – бизәлү*), возвратного и взаимно-совместного залогов (*бизәнү* “украшаться, наряжаться” и *бизәшү* “помочь украшать, наряжать”), у одной трети лишь формы повелительного залога имеют широкое распространение и их можно образовать почти от любого глагола (*бизәтү* “заставлять, просить, дать возможность кому-либо украшать, наряжать”). Авторы далее пишут: “Наличием всех залоговых форм характеризуется лишь незначительная часть (около ста татарских глаголов)” [ТГ 1997: 162].

Инфинитив. С точки зрения языковой техники репрезентации в и.-е. языках инфинитив имеет как синтетические, так и аналитические формы. Инфинитив 1 как исходная форма всех глаголов во всех шести языках выражается только синтетическим способом. Наличие так называемых лексических аналитизмов в разных языках не противоречит данному положению. Инфинитив имеет одну активную и несколько неактивных залоговых форм: русск. *писать*, англ. *(to) write*, нем. *schreiben*, франц. *écrire*, лат. *scribere*, татарск. *язырға*. В татарском языке представлены только синтетические формы инфинитива. Инфинитив 1 пассив в английском и французском образуются с помощью вспомогательного глагола “быть” (англ. *to be*, франц. *être*) и перфектного причастия (англ. *to be asked*, франц. *être demandé*), а немецкий язык имеет грамматическую аналитическую форму “*werden* + Partizip II (перфектное причастие)”: *gefragt werden*. В латинском языке презентный инфинитив в активе и пассиве, а также перфектный инфинитив в активе имеют синтетическую форму (*rogare, rogari, rogavisse*), а перфектный инфинитив пассив – аналитическую форму (*rogatus / -a esse*). В отличие от всех других и.-е. языков в этом ряду в системе латинского глагола имеется также аналитический футуральный инфинитив в активе и пассиве (*rogaturus / -a esse, rogatum iri*).

Морфологической спецификой аналитических форм инфинитива в и.-е. языках является то, что в их образовании участвует другая неличная форма глагола – перфектный партицип.

Что касается герундия в сопоставляемых языках, то ему не свойственна морфологическая гомогенность: активная форма образуется синтетическим образом: лат. *rogare – rogandi*, англ. *(to) ask – asking*. Однако во французском языке *gérondif* употребляется в сочетании с частицей *en*: *en demandant*. Пассивная форма герундия в

английском и французском языках образуется при участии вспомогательного глагола в герундиальной форме и перфектного причастия основного глагола: (англ. *being asked*, франц. *en étant demandé*). В латинском языке в данном случае употребляется герундий: *Puto, Carthago delendam esse* "Полагаю, что Карфаген должен быть разрушен". Кроме того, в англ. языке представлена перфектная форма герундия в активе и пассиве: *having asked* и *having been asked*.

Функциональный аспект инфинитива. В сочетании с финитным предикатом инф. 1 выражает будущее по отношению к времени первого или одновременность на любой временной ступени. Данное свойство инфинитива 1 является универсальным для всего ряда анализируемых языков, ср. русск. *Он хочет, хотел, захочет* + инф. 1, англ. *He wants, wanted* + инф. 1, нем. *Er will, wollte* + инф. 1.

Строго говоря, в таксисно-темпоральной оппозиции "инфинитив 1 – инфинитив 2" инфинитив 1 представляет собой слабый, нейтральный член, а инфинитив 2 – сильный, маркированный. В английском, немецком, французском и латинском языках инфинитив 2 характеризуется формальной и семантической маркированностью, однозначно выражая таксис предшествования, ср.:

англ.	<i>We are very glad</i>	<i>to have seen him.</i>
	<i>We were very glad</i>	
нем.	<i>Wir können</i>	<i>das Buch nicht besprechen, ohne es durchgelesen zu haben.</i>
	<i>Wir konnten</i>	
франц.	<i>Nous ne pouvons pas discuter ce livre</i>	<i>sans l'avoir lu.</i>
	<i>Nous n'avons pas pu discuter ce livre</i>	

Данную функцию инфинитива выполняет в русском и татарском языках деепричастие прошедшего времени и resp. причастие прошедшего времени: русск. *Мы не можем / не сможем / не смогли обсудить эту книгу, не прочитав ее.*;

татарск.	<i>Без бу китапны укып чыкмагач,</i>	<i>анын турында сүз алып бара</i>
		<i>алмыйбыз</i>
		<i>анын турында сүз алып бара алмадык</i>
		<i>алмаячакбыз.</i>

Причастные (деепричастные) формы. Более сложную картину имеют причастные формы глагола. Причастие обладает глагольными и адъективными признаками. По мнению германистов и тюркологов, в причастии доминируют глагольные свойства и поэтому они рассматриваются как формы глагола.

В Русской грамматике [РГ 1980] причастие и деепричастие определяются как атрибутивные формы глагола. Даже в рамках индоевропейских языков система причастных (деепричастных и герундиальных) форм существуют значительные расхождения как в формально-структурном, так и в функциональном планах. Расхождения имеют место в их количестве и составе. Из 10 форм сводного списка, выявленных в результате анализа причастных форм 6 языков (презентные причастия в активе и пассиве, футуральные причастия в активе и пассиве, причастие прошедшего времени, перфектные причастия в активе и пассиве, деепричастие в настоящем и прошедшем времени) все 10 форм не представлены ни в одном из этих языков и во всех языках представлено только по одной форме презентного причастия (в активной форме) и причастия

прошедшего времени (в пассивной форме), в 4 языках имеется презентное причастие в пассиве (в английском, французском, русском и 2 формы в татарском языке), русским (*спрашивавший / спросивший*) и в татарском (*сораган*). Глагольные системы этих языков обладают также деепричастными формами и их эквивалентами (герундиальными формами): герундий в английском языке в четырех формах (*asking, being asked, having asked, having been asked*), *gérondif* во французском (*en demandant, en lisant*), деепричастие в настоящем и прошедшем времени в русском (*спрашивая, спросив*) и пять форм деепричастия в татарском языке (*сорап, сорый, сорагач, сораганчы; барышлы*).

Футуральное причастие в активном и пассивном вариантах представлено в латинском [*participium futuri activi: rogaturus / -a, participium futuri passivi (gerundivum): rogandus / -a / -um*] и в виде трех моделей в татарском языке (активные формы: *языр хат, язачак хат* “письмо, которое предстоит написать”, *эйтәсе сүз* “слово, которое надо (будет) сказать; пассивные формы: *язылып хат, язылачак хат* “письмо, которое будет написано; письмо, которому надлежит быть написанным”).

Поскольку в отличие от других и.-е. языков, в латинском языке глагол имеет не только причастие настоящего и причастие прошедшего времени, а и футуральное причастие, можно говорить о причастиях I, II, и III [Glinz 1994: 177].

Перфектное причастие свойственно только английскому языку (*having asked, having been asked*).

Функциональный аспект причастий (деепричастий, герундия). Описание функционального аспекта причастных форм невозможно без выявления его глагольных и неглагольных признаков. В качестве глагольных признаков причастий выделяются следующие семантические признаки уровня грамматической категориальности: время, залог, аспектуальность, таксис.

Время. Семантические признаки “время”, “аспектуальность”, “залог” и “таксис” образуют нередко неразрывный семантический комплекс. При темпоральной характеристике причастий следует дифференцированно рассматривать их атрибутивное, предикативное и независимое употребление. В зависимости от этого в вышеназванном комплексе на передний план может выступить тот или иной семантический признак. Кроме того, не во всех языках одноименные формы или формы, рассматриваемые как межъязыковые эквиваленты, тождественны в функциональном отношении. В лингвистической литературе единодушно указывается на наличие у причастных форм категории времени, а именно, относительного временного значения. В причастных и деепричастных формах разных языков выявляются три типа относительного временного значения, т.е. три вида таксиса – предшествование, одновременность и следование.

Таксис. При анализе функционального аспекта неличных форм глагола речь может идти только о зависимом таксисе. Зависимый таксис понимается как “временное отношение между действиями, из которых одно является основным, а второе – второстепенным (сопутствующим)” [Бондарко 1987: 239]. Зависимый таксис выступает в основном в трех своих разновидностях: предшествование, одновременность, следование. Эти три таксиса могут быть осложнены причинно-следственными, уступительными, целевыми отношениями темпоральной обусловленности и т.д. В отличие от русского языка, обладающего центральным компонентом ФСП таксиса в целом, т.е. универсальными средствами выражения одновременности и разновременности, составляющих его семантическую доминанту на любой временной ступени, в немецком языке нет такой глагольной формы СВ и НСВ. Языковая выраженность зависимого и независимого таксисов в немецком языке асимметрична: относительно богатый набор временных форм для выражения таксиса предшествования в системе индикатива и всех видов таксисных значений в определенных типах сложноподчиненных предложений в системе конъюнктива, и отсутствие более или менее регулярных глагольных форм выражения зависимого таксиса. Использование конструкций с перфектным причастием (причастием II) для выражения предшествования и презентного причастия

(причастия I) для выражения одновременности носит ограниченный характер, например:

In dem leeren Lokal angekommen, machte sich Sumvit über die letzte Seite des Morgenblattes [NBI, 1989, 2, 40]; *Vom Lesen in allen Lebenslagen: sitzend, stehend, gehend, liegend...* [Süddeutsche Zeitung, 1989, 42, 31]; *Helene Vollmer nickte grüßend, blickte freundlich lächelnd die arbeitenden Hausbewohner an* [NBI, 1989, II, 40].

Таксис предшествования. Все анализируемые в рамках данной статьи языки имеют причастные (деепричастные) формы для выражения таксиса предшествования, т.е. для выражения времени действия, предшествующего времени действия главного (финитного) предиката. Основными средствами образования оппозиции “одновременность – предшествование” являются презентное причастие и причастие прошедшего времени (а в английском также перфектные причастия). Замечание В.Г. Гака о том, что традиционные термины презентное и перфектное причастия не отражают основных противопоставлений между этими формами и они могут быть заменены терминологической парой причастие I и причастие II [Гак 1986: 263], представляется нам справедливым по отношению к английскому, французскому, немецкому и латинскому языкам, так как так называемое причастие прошедшего времени не всегда обозначает действие в прошлом. Темпоральный признак причастия II зависит от субграмматических семантических признаков переходности / непереходности и предельности / неопределенности. В английском, немецком и французском языках прич. I и прич. II образуют 3 вида грамматических оппозиций: 1) таксисно-темпоральную “одновременность – предшествование” у предельных непереходных глаголов (англ. *arriving – arrived*, нем. *ankommend – angekommen*, франц. *arrivant – arrivé*); 2) таксисно-залоговую оппозицию “одновременность и активность – предшествование и пассивность” у предельных переходных глаголов (англ. *reading – read*, нем. *lesend – gelesen*, франц. *lisant – lu*); 3) залоговую оппозицию с таксисным значением одновременности (англ. *loving – loved*, нем. *liebend – geliebt*, франц. *aimant – aimé*, лат. *amans – amatus / -a / -um*).

В русском языке наблюдается несколько иное сочетание грамматических признаков времени и залога. Залоговую оппозицию образуют как причастие настоящего времени, так и причастие прошедшего времени: читающий – читаемый, прочитавший – прочитанный.

Прич. II непереходных неопределенных глаголов обычно не употребляется в атрибутивной функции, а встречается только как компонент аналитических форм глагола. Однако иногда встречаются также формы страдательного залога от непереходных глаголов, управляющих косвенным падежом с объектным значением: ср. русск. *командовать армией – командуемая им армия* [РГ 1980: 668], нем *Ihm wurde gut geholfen*. Подобное употребление пассива нередкое явление в английском языке: *The bed was not slept in. The doctor was sent for. He is spoken much about* и др. Нечто подобное встречается и в татарском языке: *Аңа хөкүмәт тарафынан күп ярадым ителде*.

Что касается татарского языка, то причастия образуют трехчленную темпоральную оппозицию в активной и пассивной формах: *хат язучы кеше – хат язган кеше – хат язачак кеше* “пишущий письмо – написавший письмо – человек, которому предстоит написать письмо”, *язылып яткан хат – язылган хат – язылачак хат* “пишущееся письмо – написанное письмо – письмо, которое будет написано”. Временное значение футурального причастия носит абсолютный характер и его темпоральное значение не может варьировать в зависимости от времени главного предиката. Если конструкцию *язылган хат* “написанное письмо” можно употреблять в сочетании с главным предикатом в настоящем, будущем и прошедшем времени (*язылган хатны бүген жиберәм / иртәгә жиберермен / кичә жибердем* “написанное письмо отправляю сегодня / отправлю завтра / отправил вчера”), между тем, как предложение **Язылачак хатны кичә жибердем* “*письмо, которое будет написано, отправил вчера”

аграмматично. Предшествование в тюркских языках выражается рядом моделей с грамматическими аффиксами *-ган / -гэн* (и их алломорфами) и деепричастиями на *-ын / -еп, -гач / гэч*, например: *Сезнең янга бөтөн эшемне бетереп килермен / киләм / килдем* “Приду / иду / пришел / к вам, закончив все свои дела”; *Өйгә кайткач барысында белдең / белерсең* “вернувшись домой, узнал / узнаешь все”.

Наиболее универсальной неличной формой глагола в латинском языке, служащей для выражения таксиса предшествования, является *participium perfecti passivi*, который на русский язык переводится деепричастием прошедшего времени или причастием прошедшего времени страдательного залога [РГ 1980: 325]:

Video / vidi / videbo epistulam, a fratre scriptam “вижу / видел / увижу письмо, написанное братом”.

В атрибутивном употреблении причастие II предельных глаголов во всех сравниваемых языках характеризуется семантическим признаком перфективности: русск. *взошедшее* солнце, англ. *the broken glass, virgin soil upturned* “поднятая целина”, нем. *die aufgegangene Sonne*, франц. *terres défrichées* “поднятая целина”, *soleil lève*, татарск. *чыккан* кояш, *күтәрелгән* чирәм и др. Причастие II дуративных глаголов в атрибутивном употреблении входит в противоречие со своим названием “перфектное причастие”, или “причастие прошедшего времени”, так как оно противопоставляется причастию I не по темпоральному признаку, а по признаку залоговости, ср. англ. *loving – loved*, нем. *liebend – geliebt*, франц. *aimant – aimé*, лат. *amans – amatus*, татарск. *яратучы – яраткан – яратылган*. В русском языке в отличие от германских, романских, тюркских языков причастие настоящего времени образует оппозицию “актив-пассив” (любящий – любимый). Ср. далее: *Недаром у меня, тринадцатилетней девочки, было чувство, что живу десятую жизнь, не считая знаемых мною – отца, матери* (М. Цветаева). Нем. *Nicht von ungefähr hatte ich, als dreizehnjähriges Mädchen, das Gefühl, daß ich das zehnte Leben lebe, ohne die gekannten zu rechnen – die von Vater, Mutter...*”

Для выражения таксиса предшествования русский язык располагает универсальной грамматической формой – деепричастием прошедшего времени. Хотя форма и называется деепричастием прошедшего времени, она не является таковой. Она выражает предшествование по отношению к действию любой временной ступени: *Прочитав книгу, мы сможем / можем / могли / смогли обсудить ее*. Таким образом, данную форму можно было бы назвать деепричастием со значением предшествования. Существуют некоторые таксисно-темпоральные различия в деепричастиях совершенного и несовершенного вида. Деепричастие глаголов несовершенного вида обозначает одновременность независимо от временной формы предиката: *Он говорит / скажет / говорил / сказал, улыбаясь...* Деепричастие же глаголов совершенного вида неоднозначно в выражении таксисно-темпоральных значений. Его наиболее распространенной функцией можно считать функцию выражения предшествования. Одновременно [РГ 1980] указывает еще на два дополнительных значения данной формы – одновременности состояния как результата предшествующего действия (*сидит / сидел / будет сидеть, нахмурившись*) и следования (*растегнул* спортук, *открыв* рубаху навыпуск) [РГ 1980: 672].

Причастие II, перфектные формы причастия и герундия интранзитивных терминативных глаголов всегда однозначно выражает таксис предшествования:

- англ.: *Having read the book, we can / could / will be able to discuss it* (Perfect Participle). *I remember having seen him before* (Perfect Gerund);
франц.: *Ayant sorti de la maison j'ai rencontré mon ami* (participe passé).

Таксис одновременности. Данное значение относительного времени характеризуется богатым набором причастных (деепричастных, герундиальных) форм. Русский язык

выделяется в данном ряду языков дифференцированным выражением одновременно-сти в настоящем (будущем) и прошедшем. Для выражения одновременности сопровождающего действия с главным действием в русском языке употребляется причастие настоящего времени, а для выражения этого же временного соотношения в прошлом используется причастие прошедшего времени: *ты видишь (увидишь женщину, сидящую у окна. Ты видел женщину, сидевшую у окна)*. Русский язык располагает также формальными средствами для разграничения атрибутивного признака от адвербиального.

В отличие от русского употребление презентного причастия для выражения одновременности на любой временной плоскости в английском, французском, немецком и латинском языках носит универсальный характер, ср.:

англ.	<i>You see</i>	
	<i>You will see</i>	<i>the woman sitting there</i>
	<i>You saw</i>	
нем.	<i>Du siehst</i>	
	<i>Du wirst sehen</i>	<i>die am Fenster sitzende Frau</i>
	<i>Du sahst</i>	
франц.	<i>Il parle</i>	<i>à l'homme lisant ce livre</i>
	<i>Il a parlé</i>	
лат.	<i>Video</i>	
	<i>Vidi</i>	<i>discipulum librum legentem</i>
	<i>Videbo</i>	

Подобный темпорально-таксисный универсализм наблюдается и в татарском языке: *Тәрәзә янында утырган ханымны күрәсең / күрдең / күрерсең*.

В английском языке одновременность помимо Present Participle может быть выражена также герундиальной формой, а именно Gerund Indefinite: *I am surprised at hearing this*. К подобного рода средству прибегает и французский язык, который кроме формы *participe present*, располагает также формой *gérondif*, основная функция которой заключается в выражении второстепенного действия, одновременного с главным, и соответствует русскому деепричастию настоящего времени: *En sortant de la maison j'ai rencontré mon ami* "Выходя / при выходе из дома, я встретил своего друга".

Таксис следования. Под таксисом следования понимается такое временное соотношение, при котором время второстепенного (сопровождающего) действия, выражаемого причастной формой, следует за действием, выражаемым главным предикатом. Категория следования, получившая в немецком языке название "относительное будущее" (*relative Zukunft*), находит свое грамматическое выражение в специальных формах конъюнктива (*Futur I* и *Konditionalis I*) в большинстве языков не имеет формального выражения в неличных формах глагола. Из рассматриваемых нами языков только в латинском и тюркских (например, башкирском и татарском) имеются неличные формы глагола в активе и пассиве для обозначения таксиса следования. Таковыми являются в латинском языке *participium futuri activi* и *participium futuri passivi*: *Ave, imperator, morituri te salutant* (*morituri* – которые должны будут умереть, которым предстоит умереть) (*part. fut. act.*). *Caesar pontem in Arare faciendum curat* "Цезарь приказывает устроить мост на Арапе (чтобы был устроен / построен)" (*gerundivum*) [Соболевский 1998].

В татарском языке таксис следования находит свое выражение в одной деепричастной (на *-ганчы / -гәнче*) и трех причастных формах (на *-ар / -әр, -сы / -се, -ачак / -әчәк* в активе и пассиве):

Атаң кайтканчы бөтөн эшеңне эшләп куй "До прихода отца сделай все свои дела" (деепричастие).

С'ойлэячэк сүзлэренне алдан уйлап куй "Заранее обдумай все, о чем будешь говорить".

Улэсе күбэлэк ут күзенэ керер (пословица) "Обреченный (букв. который умрет) мотылек летит к огню [ТГ 1997] и др.

Во всех языках можно выделить первичное грамматическое значение причастных форм и вторичные (производные). Другими словами во всех языках имеются причастные (деепричастные) формы, однозначно выражающие одно из таксисных значений. К таковым можно отнести *participium praesentis activi et passivi* в латинском, причастие I в немецком, деепричастие настоящего времени в русском, деепричастие на *-ышлый / -еши* в татарском языке для выражения одновременности, причастие II терминативных глаголов во всех языках, как правило, деепричастие прошедшего времени в русском языке и деепричастие на *-гач / -гәч* в татарском для выражения предшествования. Положение Ю.С. Степанова о том, что "отношения синонимии пронизывают все уровни: варианты вступают друг с другом в отношения более или менее полной синонимии, инварианты – всегда в отношения неполной синонимии – точнее синонимии по отдельным своим сторонам, признакам" [Степанов 1998: 65], релевантно для финитных форм глагола, полностью распространяется на инфинитивные.

Другие причастные (деепричастные) формы неоднозначны в выражении темпорально-таксисных значений. Формы, для которых одновременность является основным значением, могут в некоторых случаях выражать таксис предшествования, ср., например, в англ. вместо Perfect Participle Active и Passive могут употребляться Present Participle Active и Passive:

Signing the letter the director asked...

Arriving at his home he first of all rang up his mother.

Подобно Present Participle форма Indefinite Gerund (Active и Passive) в сочетании с предлогами *after* и *on (upon)* употребляется вместо Perfect Gerund (Active и Passive) для выражения действия, предшествующего действию предиката: *On arriving at home first of all he rang up his mother.*

Употребление презентных форм причастия и герундия вместо перфектных наблюдается в тех случаях, когда финитный предикат обладает перфектно-ориентированной семантикой или неличная форма образована от предельного (терминативного) глагола:

Thank you for coming (*≈ that you have come*);

ср. аналогичное употребление *gérondif* во французском языке:

Il est mort en mangeant des champignons vénéneux.

Если в английском, немецком, французском и латинском языках некоторые причастные формы настоящего времени могут употребляться в функции причастия прошедшего времени, то в татарском языке прослеживается противоположная тенденция, т.е. прич. прошедшего времени на *-ган* и деепричастие на *-ын / -еп* весьма продуктивны также в выражении таксиса одновременности, что обычно свойственно причастиям настоящего времени. Как уже было отмечено выше, причастие II в английском, немецком и латинском языках также выражает одновременность. Однако такая особенность свойственна причастию II переходных неопределенных (дуративных) глаголов, между тем, как в татарском языке прич. прошедшего времени на *-ган / -гән* с его алломорфами выражает одновременность от всех неопределенных глаголов независимо от того, являются они непереходными или переходными. Не совсем корректной представляется темпоральная характеристика идентичной формы в [ГСБЛЯ 1981]. Так, авторы пишут: "Если сказуемое главного предложения выражено формами прошедшего времени, то причастие на *-ган / -гән*, как правило, обозначает действие, предшествующее основному" [ГСБЛЯ 1981: 315]. Однако нам представляется, что решающим для темпорального значения анализируемой формы является не время главного предиката, а субграмматический аспектуальный семантический признак "предельность / неопределенность". Если причастие на *-ган* образовано от предельных глаголов, то не з а -

висимо от временной формы главного предиката оно выражает таксис предшествования, ср. татарск. *Син сугыштан кайткан солдатларны күрәсең / күрдең / күргән идең / иртәгә күрерсең*; башк. *хин һугыштан кайткан һалдаттарҙы күрәһең / күрзең / күргәйһең / иртәгә күрерһең* (ты видишь / видел / увидишь вернувшихся с войны солдат). И, наоборот, то же самое причастие непердельного глагола независимо от временной формы предиката выражает одновременность между действиями:

Син биредә басып торган / йоклап яткан / китап укып утырган кешене күрәсең / күрдең / күргән идең / күрерсең. Ср. далее:

башк. *Тунтар шартлаган самолеттар гәүләгән, пулялар һызгырган был төнгө дөнъяла югалып калмай, леп-леп кенә типкән ике гашик йөрәк кабаттан бер булды* (М. Карим). "В ночном царстве, где раздавались взрывы снарядов, гудение самолетов, свист пуль, двое влюбленных с трепетно бьющимися сердцами снова слились воедино".

Деепричастие как особая форма глагола выделяется в русском и тюркских языках. В других языках функции деепричастия входят в функциональный потенциал причастных и герундиальных форм. Абсолютно продуктивной деепричастной формой в татарском языке является модель с грамматическим аффиксом *-ып / -еп*, которая может быть образована от любого глагола. Данный тип деепричастий является наиболее многозначным и не представляется возможным, какое из таксисных значений можно считать основным (первичным) и какое второстепенным (вторичным). Бесспорно одно, что эта форма обладает не темпоральным, а таксисным значением. Характер таксисного значения – одновременности или предшествования – не зависит от временной формы главного предиката, а зависит отчасти от характера их лексического значения, например, деепричастие глаголов со значением звукоподражания и глаголов, обозначающих жесты, мимику и кинесику, сопровождающие действие главного предиката, выражают одновременность, действие, сопровождающее действие главного предиката: *елмаеп каршы ала / алды / алып "встретит / встретил / встречает, улыбаясь"*. Другим фактором, определяющим таксис сопутствующего значения деепричастия на *-ып / -еп*, является их синтаксическая функция. Так, при их использовании в качестве обстоятельства способа или образа действия данная форма выражает таксис одновременности, а в конструкциях со значением следствия она выражает таксис предшествования. Функции "соподчиненного сказуемого простого предложения, а также сказуемого первой придаточной части сложно-подчиненных предложений" [ТГ 1997: 220] и в особенности при перечислении следующих друг за другом действий обычно употребляется деепричастие на *-ып / -еп*, например:

Кичке аштан калган савыт-сабаны жыеп, жыештырып та, иртәнге өчен утын-суын әзерләп тә... (М. Карим) "Он собрал оставшуюся после ужина посуду, убрал ее, приготовил к утру все необходимое...".

Помимо причастия, деепричастия, герундия и инфинитива во всех языках выделяется еще одна форма, которая в грамматиках получила название "отглагольное имя". Данная форма по определению представляет собой некий синтез свойств двух частей речи – глагола и имени. В разных языках функциональный объем этой отглагольной формы неодинаков. Так, в английском языке, в класс отглагольных имен включается форма на *-ing*, т.е. форма формально совпадающая с презентным причастием и герундием, но в отличие от них, употребляющаяся с артиклем, имеющая форму мн. числа и обладающая способностью определяться прилагательным. Отглагольное имя, в отличие от герундия, не имеет форм времени и залога. Особенность отглагольных имен состоит, однако, также в том, что в данный класс слов оказываются включенными не только формы, оканчивающиеся на *-ing*, а и существительные, образованные от глаголов различными способами словообразования, например, путем конверсии и суффиксации.

Также расширительно толкуется класс отглагольных имен во французском языке, в котором некоторыми авторами в систему неличных форм включаются имена действия, образованные самыми разными способами, например, прямой транспозицией (*arriver* → *l'arrivée*), серии суффиксов (-*ment*, -*age*, -*é*, -*ure*, -*ance*, -*ade*, -*erie*, -*asion*, -*is*), конверсией (*diner* – *le dîner*) и др. (см. более подробно об этом в работе В.Г. Гака [Гак 1986]).

Немецкий язык располагает универсальным средством номинализации инфинитивных форм глагола – субстантивацией. Явление субстантивации инфинитива носит абсолютный характер, т.е. не знает исключений. Субстантивация инфинитива даже грамматичнее в плане охвата лексики, чем обычные грамматические категории, функционирование которых наталкивается на определенное противодействие со стороны лексического материала. Например, не все глаголы могут иметь все формы лица и числа, только часть глаголов способна образовать грамматическую оппозицию "актив-пассив". Субстантивация идеально воспроизводит семантические особенности глагольной лексемы и между субстантивацией и инфинитивом существует полная семантическая симметрия. Субстантивированный инфинитив сохраняет даже аспектуальные семантические признаки глагола, например, *das Lachen* – *das Lächeln*, *das Streichen* – *das Streicheln* и т.д. Субстантивироваться могут инфинитивные формы как в активной, так и пассивной формах, ср.: *das Lieben* – *das Geliebtwerden*.

Герундий в латинском языке также рассматривается как отглагольное существительное, имеющее 4 падежа, т.е. все падежи кроме номинатива.

Особое место в тюркских языках занимает так называемое отглагольное имя. Известный тюрколог Н.К. Дмитриев [Дмитриев 1947] считал, что например, в башкирском языке существуют два инфинитива – инфинитив I и инфинитив II. Формальным показателем инфинитива I является аффикс -*ға* / -*гә*, а формальным показателем инфинитива II является аффикс -*у* / -*ү* и его алломорфы. Интересно отметить, что в лексикографической практике башкирского и татарского языков авторы словарей в качестве эквивалента русскому инфинитиву дают именно форму на -*у* / -*ү*, т.е. форму, которую Н.К. Дмитриев назвал инфинитивом II. Специфика данной формы заключается в полном воспроизведении лексического значения глаголов в их финитном употреблении. Так называемый инфинитив II охватывает всю глагольную лексику без каких-либо исключений. В этом отношении инфинитив II, таким образом, по своему лексическому диапазону может конкурировать с любой грамматической категорией. В современных грамматических исследованиях по башкирскому и татарскому языкам данная форма квалифицируется не как инфинитив, а как отглагольное имя. Безусловно, данная форма как и другие неличные формы глагола в языках вообще характеризуется как глагольными, так и именными свойствами: они образуют залоговые формы (*эшлә* – *эшләтү* – *эшләнү* – *эшлэшү*), могут образовать темпоральную оппозицию (*эшләү* – *эшләгән булу*), образуют положительную и отрицательную формы (*эшләү* – *эшләмәү*); к именным свойствам формы на -*у* относятся: категории падежа, категория числа. Отглагольное имя башкирского и татарского языков совмещает в себе почти все функциональные свойства английского герундия и отглагольного имени и очень близок по всем параметрам немецкому субстантивированному инфинитиву.

Признак асимметрии, присущий любому языковому явлению, становится многогранным и объемным при сопоставлении языков. Даже одноименные явления далеки от полного сходства в формально-структурном и функциональном планах. Так, герундий, выделяемый как одна из неличных форм глагола, обнаруживает определенное сходство и расхождение в латинском, английском и французском языках. В латинском языке герундий определяется как отглагольное существительное, имеющее 4 падежа [Соболевский 1998: 55]. В английском языке герундий образуется по тем же правилам, по которым образуются формы причастий. Несмотря на то, что герундий в английском

языке имеет больше свойств существительного, чем инфинитив, он рассматривается как неличная форма глагола, но не как отглагольное существительное. Во французском языке некоторые авторы в систему неличных форм глагола включают помимо инфинитива и герундия также отглагольное существительное. Однако между этими формами имеется существенное различие. Инфинитив, причастие и герундий во французском языке образуются от любого глагола.

В русском языке отглагольное имя не обнаруживает такой тесной связи с неличными формами глагола, как это имеет место в английском, немецком и тюркских языках, так как оно находится в полном ведении словообразовательной (суффиксальной) системы. На основе проделанного анализа неличных форм в ряде языков можно сделать некоторые предварительные выводы.

1. Нет ни одного языка, в котором была бы только одна нефинитная форма.

2. Две нефинитные формы (инфинитив и причастие) присущи глагольной системе всех языков, причем причастия подразделяются на презентные и перфектные.

3. Во всех языках причастия образуют оппозиции на уровне семантических признаков грамматической категориальности "время" и "залог". В латинском и тюркских языках причастия образуют трехчленную оппозицию: презентное причастие (прич. I) – перфектное причастие – футуральное причастие. Немецкий языковед Х. Глинц считает возможным ввести в лингвистический обиход термин "причастие 3" для обозначения футурального причастия в латинском языке [Глинц 1994].

4. Во всех языках выделяются первичное и вторичные грамматические значения неличных форм глагола, что обуславливает их функциональное взаимопроникновение.

5. Футуральное причастие во временном отношении однозначно, т.е. оно всегда выражает относительное будущее.

6. Во всех языках кроме татарского, как причастие I, так и причастие II могут употребляться в атрибутивной и адвербиальной функциях. В татарском языке причастие употребляется только атрибутивно, а деепричастие, наоборот, только адвербиально. В атрибутивном употреблении причастия имеют собственно темпоральное, а именно абсолютное временное значение, а в адвербиальном употреблении – относительное временное, т.е. таксисное значение.

7. В залоговой оппозиции наблюдается определенная специализация функций между причастиями: презентные причастия всегда имеют активную форму, но не всегда пассивную, и, наоборот, причастие прошедшего времени всегда имеет пассивную форму, если оно образовано от переходных глаголов.

8. Своего рода уникалией является наличие в английском языке двух причастий прошедшего времени – Past Participle и Perfect Participle (в активе и пассиве).

9. Деепричастные формы в русском языке образуют темпоральную оппозицию, но не способны к образованию залоговой оппозиции. Между тем как в татарском языке 4 формы деепричастия из 5 образуют как темпорально-таксисную, так и залоговую оппозиции.

10. Темпорально-таксисные и залоговые значения нефинитных форм глагола нередко оказываются сопряженными с другими грамматическими значениями, например, такими как модальность, аспектуальность, условие, причинно-следственные, concessивные и т.п.

11. Не все таксисные значения представлены во всех сопоставляемых языках. Так, таксис следования находит свое формальное выражение только в латинском и тюркских языках (башкирском и татарском).

12. Неличные формы глагола, как в рамках одного, так и ряда языков различаются между собой по охвату лексического материала: инфинитивные формы имеют все глаголы. Причастие I может быть образовано почти от всех глаголов (в грамматиках указывается лишь на редкие исключения), герундий может быть образован не от всех глаголов (см. об этом, например, во французском языке [Гак 1987]).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Бондарко А.В.* 1987 – Таксис // Теория функциональной грамматики. Введение. Аспектуальность. Временная локализованность. Таксис. Л., 1987.
- Гак В.Г.* 1986 – Теоретическая грамматика французского языка. Морфология. М., 1986.
- Гак В.Г.* 1987 – Сравнительная типология французского и русского языков. Л., 1987.
- Гак В.Г.* 1989 – О контрастивной лингвистике. Вступительная статья // Новое в зарубежной лингвистике. М., 1989.
- ГСБЛЯ 1981 – Грамматика современного башкирского литературного языка. М., 1981.
- Дмитриев Н.К.* 1947 – Грамматика башкирского языка. М.; Л., 1947.
- РГ 1980 – Русская грамматика. Т. I. М., 1980.
- Соболевский С.И.* 1998 – Грамматика латинского языка. СПб., 1998.
- Степанов Ю.С.* 1998 – Язык и метод. К современной философии языка. М., 1998.
- ТГ 1997 – Татарская грамматика. Т. 2. Морфология. Казань, 1997.
- Duden* 1995 – Der Grosse Duden. Bd. 4. Grammatik. Mannheim; Leipzig; Wien; Zürich, 1995.
- Glinz H.* 1994 – Grammatiken im Vergleich. Tübingen, 1994.
- Helbig G., Buscha J.* 1996 – Deutsche Grammatik. Leipzig; Berlin; München; Wien; Zürich; New York, 1996.
- Schendels E.* 1982 – Deutsche Grammatik. Morphologie. Syntax. Text. M., 1982.